

УТВЕРЖДАЮ

Директор

Института российской истории РАН

Ю.А.Петров

«12» сентября 2016 г.

ОТЗЫВ ведущей организации

Федерального государственного бюджетного учреждения науки

Института российской истории Российской академии наук

на диссертацию Лягушкиной Людмилы Алексеевны

«Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным "Книгам памяти"», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Диссертационное исследование Л.А.Лягушкиной посвящено истории массовых политических репрессий в СССР, пик которых пришелся на 1937–1938 гг. – годы т.н. «большого террора». За это время были расстреляны почти 700 тыс. человек, общая же численность жертв политических репрессий составила 1,5 млн. Хотя в отечественной и зарубежной историографии имеется немало работ, которые исследуют механизмы, характер и основные этапы репрессий 1930-х гг., в значительно меньшей мере изучен вопрос, вызывающий немало споров, – о том, кто именно являлся жертвами террора (социальный портрет репрессированных). От ответа на данный вопрос, в свою очередь, зависит ответ на еще более сложный и принципиальный вопрос – о причинах и целях «большого террора». В связи со сказанным тема представленной на отзыв диссертации кажется нам безусловно важной и актуальной в научном плане. Отталкиваясь от анализа коллективных биографий жертв репрессий, автор работы реконструирует социальный портрет репрессированных в динамике на примере пяти регионов РСФСР –

Алтайского края, Башкирской АССР, Горьковской области, Карельской АССР, Северо-Осетинской АССР. Рассмотрение темы в региональном разрезе представляется плодотворным еще и по той причине, что автор одновременно ставит своей задачей проверить ряд гипотез о влиянии социально-экономических особенностей и состава населения того или иного региона РСФСР на ход репрессий.

Основным источником диссертационного исследования является информационная база данных общества «Мемориал» под названием «Жертвы политического террора в СССР». Эта база составлена на основе региональных «Книг памяти», содержащих сведения о репрессированных, собранные на местах. Бесспорная значимость и научная новизна диссертация заключается в том, что в ней впервые вводится в научный оборот значительный по объему комплекс источников – более 60 тыс. кратких биографических сведений на людей, репрессированных в 1937–1938 гг. в пяти указанных выше регионах РСФСР. Эти данные были подвергнуты автором статистической обработке с применением современных методик квантификации, что позволило систематизировать информацию и сделать научно значимые, оригинальные выводы.

Структура работы, историографическая и источниковедческая части диссертации не вызывают возражений. На наш взгляд, в четырех главах автору в целом удалось успешно справиться с решением поставленных им исследовательских задач.

Представляется обоснованным и логичным, что первая глава исследования посвящена источникам и методам исследования. Основное внимание автор уделил характеристике упомянутой выше базы данных «Жертвы политического террора в СССР». Она включает в себя биографические справки на репрессированных, взятые из региональных «Книг памяти», которые, в свою очередь, составлялись преимущественно на основе данных архивно-следственных дел жертв террора и других документов (в основном, из архивов ФСБ РФ). Кроме того, с целью проверки достоверности

«книг памяти» как исторического источника автор впервые провел сопоставление данных «Книг памяти» жертв, покоящихся на подмосковном Бутовском полигоне, со сведениями из архивно-следственных дел на этих людей, хранящимися в ГАРФ. Это сопоставление, в целом, подтвердило достоверность «Книг памяти». Введение в оборот указанных источников потребовало от автора их предварительного источниковедческого анализа, в ходе которого Л.А.Лягушкина продемонстрировала основательную источниковедческую подготовку и умение работать с источниками.

Поскольку обработка всей совокупности данных из региональных «Книг памяти», включенных в базу «Мемориала», – задача непосильная для одного исследователя, далее автор пошел по пути использования выборки. Л.А.Лягушкина выделила пять показательных регионов РСФСР, изучение «Книг памяти» которых, по ее мнению, позволяет сделать выводы о социальном портрете репрессированных в РСФСР в целом.

Далее, во второй главе диссертационного исследования, Л.А.Лягушкина реконструирует динамику проведения репрессий в пяти взятых ей в качестве примера регионах РСФСР, а также проводит сравнительный анализ этой динамики. Опираясь на сведения о датах арестов, вынесения судебных приговоров и расстрелов, взятые из биографических справок репрессированных, автор реконструирует ход массовых репрессий в данных регионах, а затем сопоставляет полученную статистическую информацию с опубликованными документами по этому вопросу. Подобная работа отличается крайней трудоемкостью, и то, что Л.А.Лягушкина взялась за нее и довела ее до конца, заслуживает специального упоминания. В результате автор приходит к выводу о том, что основные «пики» репрессивных кампаний в конкретных регионах можно связать с полученными ими приказами и распоряжениями из центра. Это означает, что репрессии 1937–1938 гг. носили не стихийный, как полагают некоторые ученые, а организованный и инициированный «сверху» характер. Также в данной главе на обширном статистическом материале Л.А.Лягушкина изучила типичную

продолжительность следствия над людьми, обвиняемыми в политических преступлениях,— количество дней от ареста до осуждения. Она пришла к любопытному выводу, что расследование дел арестованных в 1937 г. (особенно в последние месяцы этого года) занимало существенно меньше времени, чем тех, кому «повезло» быть задержанными в 1938 г. «Ускоренный» метод ведения следственных действий приводил к особенно вопиющим нарушениям законности, пыткам и необоснованным обвинительным приговорам, жертвами которых стали тысячи граждан. Важно подчеркнуть, что в ходе диссертационного исследования автору удалось выделить и региональную специфику указанных выше тенденций. Например, дольше по времени (как правило, и более тщательно) среднее расследование дела велось в этот период в Башкирской АССР – 94 дня, а меньше всего – 51 день – в Карельской АССР.

В третьей главе диссертант переходит к непосредственному анализу социального портрета репрессированных, особое внимание уделяя реконструкции их половозрастного и национального состава. Автор выяснил, в частности, что среди репрессированных женщины составляли всего 4-8%. Развивая малоизученную гендерную проблематику, Л.А.Лягушкина вполне обоснованно специально остановилась на подробном разборе ряда архивно-следственных дел женщин, ставших жертвами террора. Малочисленность женщин среди репрессированных автор объясняет «невысокой», по ее мнению (по сравнению с бывшими «на виду» и чаще занимавшими ответственные должности мужчинами), социальной ролью женщин в советском обществе конца 1930-х годов. Этот вывод, конечно, весьма спорен, особенно в отношении городского населения и молодежи. На наш взгляд, эта тема требует дополнительного исследования.

Что касается возрастного состава репрессированных, автор выяснил, что в основном «под прессом» оказались люди среднего и старшего среднего возраста (73–77% – от 30 до 59 лет), находившиеся в расцвете сил и на пике профессиональной карьеры. Другой важный в научном плане вывод, сделанный на основании исследования степени тяжести приговоров,

заключается в том, что люди старшего возраста существенно чаще приговаривались к расстрелу, чем представители младших возрастных групп. Автор объясняет это не только наличием у этих людей большего числа «пятен» в биографиях, но и тем, что система ГУЛАГа, ориентированная на использование принудительного труда заключенных, не нуждалась в пожилых людях. На наш взгляд, однако, эта гипотеза может быть окончательно доказана лишь в случае обнаружения подтверждающих ее приказов, распоряжений или иных документов.

Важной частью диссертации является реконструкция национального состава репрессированных в каждом из пяти выбранных для изучения регионов, а также сравнение полученной статистики с данными переписей населения. Автор приходит к значимому в научном плане выводу о том, что в целом национальный состав репрессированных не сильно отличался от национального состава населения регионов РСФСР. Тем не менее, некоторые национальные группы чаще других становились жертвами репрессий и чаще других приговаривались к расстрелу, – поляки, немцы, латыши, финны и др. Это и понятно с учетом целей «национальных» операций НКВД тех лет, призванных «избавиться» от потенциальной «пятой колонны» на случай войны.

В четвертой главе диссертационного исследования Л.А.Лягушкиной рассматривается целый ряд иных важных социальных характеристик репрессированных, а именно: их место жительства, социальное положение, уровень образования, партийность и др. Изучив данные о месте жительства репрессированных по «Книгам памяти» Алтайского края и Горьковской области, автор диссертации пришел к выводу, что по абсолютной численности большинство арестованных в этих регионах были из сельской местности, однако, с учетом меньшей численности городского населения, у горожан было сравнительно больше шансов быть репрессированными. Полученные автором диссертации данные об образовательном уровне репрессированных в Башкирской АССР и Республике Алтай свидетельствуют о том, что здесь

подавляющее большинство репрессированных (79–88%) относились к числу неграмотных, малограмотных или лиц с начальным образованием. Другой любопытный вывод автора, требующий, на наш взгляд, дополнительного изучения, заключается в том, что в этих регионах арестованные с высшим образованием приговаривались к расстрелу не чаще тех, кто не имел хорошего образования. Довольно неожиданным, особенно с точки зрения ранее выявленной автором диссертации зависимости арестов от социальной активности людей, оказалось то, что члены и бывшие члены ВКП(б) и ВЛКСМ составляли всего 5–8% репрессированных в Башкирской и в Карельской АССР. Это вопрос, на наш взгляд, требует дополнительного изучения.

Специальное внимание в диссертации уделено реконструкции социального положения типичного репрессированного. Этот показатель автор относит к числу основных социальных характеристик. Он взят из данных о месте работы и должности репрессированных, которые содержатся в «Книгах памяти». Л.А.Лягушкина приходит к выводу, что большинство репрессированных составляли колхозники, рабочие и служащие, однако их пропорции сильно зависели от уровня экономического развития региона. Вместе с тем, как следует из диссертации, среди репрессированных во всех регионах было непропорционально много «лиц без определенных занятий» и «церковников». Последних, как и единоличников, чаще приговаривали к высшей мере наказания. Что касается категории репрессированных служащих, которую Л.А.Лягушкина специально рассматривает в диссертации, то, по ее данным, среди них численно преобладали рядовые работники госучреждений – счетоводы, бухгалтеры, учителя и др.

Общие выводы, к которым приходит автор диссертации, представляются обоснованными и логически проистекающими из изложения материала в главах.

Обобщая сказанное выше, хотелось бы специально отметить, что автор выбрал сложную для исследования, но крайне важную в научном плане тему. В ходе ее изучения была проделана значительная работа, использованы методики

как традиционные для исторического исследования, так и связанные с применением количественных методов анализа информации.

Положительным моментом является не только то, что в диссертации даны ответы на поставленные во введении вопросы, заслуга автора и в том, что работа вскрывает новые «проблемные зоны», побуждает к дальнейшим дискуссиям и исследованиям.

Хотелось бы высказать ряд замечаний и предложений по поводу диссертации, тем более, что она имеет основание быть опубликованной, и автор при подготовке рукописи к изданию мог бы их реализовать.

1. С учетом того, что в литературе нет сложившихся представлений о содержании многих ключевых понятий, автору диссертации имело бы смысл пояснить во введении, кого он имеет в виду под терминами «репрессированный», «жертвы репрессий» (в частности, все ли арестованные и все ли расстрелянные входили в их число), «режимные люди» (см. монографию В.Н.Земскова «Спецпоселенцы в СССР» с подробными сведениями о репрессиях в 1937–1938 гг. в отношении спецпоселенцев по регионам РСФСР), что понимается под «политическими репрессиями» вообще.

На стр. 111 диссертации дается краткое определение понятия «социальный портрет», которое просится во введение в более развернутом виде (какой именно набор характеристик и почему требуется для составления полноценного социального портрета, дают ли возможность «книги памяти» нарисовать такой портрет?)

2. Поскольку «книги памяти» являются основным источником диссертации, представлялось бы целесообразным хотя бы кратко охарактеризовать их во введении к работе и в автореферате (подробная характеристика этого источника дана в первой главе).

3. В диссертации при анализе взаимосвязи между уровнем образования жертв репрессий и самими репрессиями встречаются противоречивые суждения, например: «Образованные люди гораздо чаще, чем люди с начальным образованием, становились жертвами репрессий» (с. 246), «лиц с

высшим образованием репрессии затронули сильнее, чем всех остальных» (с. 247), но на с. 252 противоположное – «уровень образования не являлся решающим критерием при аресте».

На основе изучения данных по нескольким регионам диссертант пишет, что «хотя существует распространенное мнение, что Большой террор был направлен в основном против номенклатуры и интеллигенции, анализ уровня образования репрессированных позволяет усомниться в этой версии» (с. 296). Нам представляется, что в дискуссии по этому поводу точку ставить рано. Хотелось бы в связи с этим обратить внимание на то, что статистика ГУЛАГа позволяет оценить, как изменился образовательный уровень заключенных за период «большого террора» в целом по стране. Конечно, статистика может отражать не только динамику репрессивной политики, но и тенденции повышения в 1930-е годы общего уровня грамотности населения.

4. Автору диссертации стоило бы, на наш взгляд, уделить больше внимания обоснованию репрезентативности выводов, полученных при изучении пяти выбранных регионов РСФСР, для характеристики «большого террора» в целом и создания социального портрета его жертв. Сделать это можно, к примеру, точно – сравнив полученные в том или ином регионе отдельные данные с многократно проверенной общесоюзной или российской статистикой репрессий.

Указанные замечания и предложения не снижают общую оценку работы – высокий уровень проведенного исследования, его оригинальность и самостоятельность, научную значимость результатов, основательную подготовку и практические навыки в области источниковедения и методики исторического исследования.

Основные выводы, представленные в диссертации, прошли апробацию и содержатся в ряде научных публикаций автора, в том числе в журналах из перечня ВАК. Автореферат отражает основное содержание диссертационного исследования. Диссертация соответствует требованиям «Положения о

присуждении ученых степеней» ВАК РФ, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

Автор диссертации Лягушкина Людмила Алексеевна заслуживает присвоения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Отзыв подготовлен ведущим научным сотрудником Центра «Россия, СССР в истории XX века», доктором исторических наук Ивановой Галиной Михайловной, обсужден и утвержден на совместном заседании Центра «Россия, СССР в истории XX века» и Центра изучения новейшей истории России и политологии ИРИ РАН 6 сентября 2016 г., протокол № 9.

Руководитель
Центра изучения новейшей истории России
и политологии ИРИ РАН
доктор исторических наук

С.В.Журавлев

Подпись С.В. Журавлева удостоверяю
Ученый секретарь Федерального
государственного бюджетного учреждения науки
Института российской истории Российской
академии наук Л.В. Мухоморова
«12» сентября 2016 г.

